Новая Зона. Критерий страха

Автор:
Сергей Слюсаренко

Новая Зона. Критерий страха

Сергей Сергеевич Слюсаренко

Апокалипсис-СТВадим Малахов #6Апокалипсис-СТНовая зона

Прошли годы с того момента, как сын Вадима Малахова, Андрей, спас отца в Зоне (роман «Красный сигнал»). Используя артефакт «Пирамидка» («Коллективное сознательное»), ученые создают межпланетную станцию, способную перемещаться в подпространстве, создавая «кротовую нору». После ряда успешных испытаний беспилотных станций в неведомое место Вселенной, откуда на Землю и пришла Зона, отправляется экспедиция. «Космическая станция – 6», в экипаж которой входит бортинженер Андрей Малахов, должна ответить на вопрос, кто послал на Землю нечто, создающее Зоны, и какова природа этого явления. Но ответ на все вопросы оказался совсем не таким, как ожидалось.

Сергей Слюсаренко

Новая Зона. Критерий страха

© С. Слюсаренко, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Что такое Зона? Десятки авторов в своих книгах пытаются проанализировать это. У каждого своя версия. Неужели прилетевшие много лет неизвестные гости просто намусорили на Земле и забыли за собой убрать? А человечество столкнулось с неизведанным и не сумело его использовать? Но почему каждое взаимодействие с артефактами Зоны приводило только к тому, что ситуация становилась все хуже и хуже? И казалось, что уже не авторы изучают Зону, а Зона начинает управлять ими и сама задавать сюжеты книг. В серии книг КС («Кубатура сферы», «Константа связи», «Красный сигнал», «Коллективное сознательное» и «Кромешный свет») мои герои тоже пытались изучить и даже победить Зону и всё, что она порождает, и тех, кто усиливает её действие. Но результат всегда печально одинаков – сколько ни старайся взаимодействовать с артефактами Зоны, никогда ничего хорошего из этого не получается.

Но ведь не может быть такое явление, как Зона, спонтанным? Она имеет начало, конкретное начало, но неужели у нее нет конца? И чтобы попытаться понять первопричину Зоны и её смысл, моим героям придется отправиться далеко от Земли. Там, где-то в далеком космосе, находится место, откуда и началась Зона. И достигнуть этого места можно, только использовав неземной артефакт. Естественно, главным героем этой новой книги будет Малахов. Андрей Малахов, сын Вадима Малахова. Когда-то давно Андрей, еще совсем ребенком, смог пройти всю Зону, ещё изначальную. И вот теперь ему предстоит опять соприкоснуться с ней. И помощи или совета будет ждать неоткуда. Там, вдали от Земли, команда космической станции «КС-6» попытается открыть самую великую тайну – откуда пошла Зона.

Для того чтобы читатель понимал, с чем героям книги приходилось встречаться ранее, автор использует эпиграфические вставки из предыдущих книг серии.

Автор благодарен Андрею Синицыну за настойчивость и долготерпение, Олегу Полю за внимательность и Людмиле Одинцовой за поддержку.

Пролог

– По поводу вашего сына, Андрея, надо поговорить отдельно. – Врач замялся. – Вы же сами понимаете, что Зона – не место для молодого, несформировавшегося организма. И у нас просто нет опыта, клинического опыта, чтобы предположить, насколько пострадал или не пострадал ребенок. Я думаю, те странности… Я хочу надеяться, это просто обычная детская реакция на невероятные события, которые он пережил. Ваш сын просто пока мысленно находится там и не всегда может справиться, адаптироваться к реальному миру.

– Он ведь был там всего несколько дней, – попытался возразить Малахов.

– Вы ведь сами знаете, какие это были несколько дней. – Врач покачал головой. – Так что за ним надо наблюдать. Я слышал, что у вас неполная семья?

– Он некоторое время поживет у своей бабушки, моей матери, пока я разберусь с делами и обустрою жильё. Потом будет жить со мной.

– Я дам вам направление в нашу клинику в Москве. Пусть его там поставят на учет. И умоляю, следите за ним. Детская психика такая хрупкая.

«Коллективное сознательное»

Весна была ранней и стремительной. Ещё совсем недавно казалось, что завалившие город сугробы не сойдут никогда. Но вот прошла неделя, и неожиданная теплынь опустилась и на столицу, и на Подмосковье. Нежная листва опушила березняки, и воздух наполнился пьянящими запахами мокрой коры и смолистых почек. Земля просыпалась. Но радость нежной весны была краткой. Леса и города накрыла почти летняя жара.

Андрей Малахов вел машину по тенистым закоулкам Тучково к дому, где жил его отец. Андрей не виделся с ним долгих четыре года и уже подзабыл точные подъезды к участку. Тем более, что поселок все время перестраивался, постепенно трансформируясь из рабочего в элитный. Но даже такая запутанная дорога рано или поздно кончается, если не барахлит навигатор. Наконец Андрей затормозил у невысокого кирпичного забора. Он узнал его сразу. За этим забором, на зеленой лужайке под старой грушей прошло его детство. Лучшие годы жизни. Отец уехал сюда подальше от Москвы, от службы, от всего, что хоть

как-то напоминало ему о Зоне.

Именно тут, на проселочной дороге, Клава Моисейчик впервые усадила Андрея за руль. Раз пятьдесят погоняла по буеракам и даже не сердилась, когда однажды он помял капот так, что его пришлось менять. А потом у нее внуки родились, и жизнь у тёти Клавы стала совсем другой… Однако несколько тех простых уроков навсегда вбили в мышечную моторику Андрея высший пилотаж водителя.

Именно тут Тимур показывал Андрею, как уйти от ножа в любой драке и оказывать первую медицинскую помощь при ранениях, в том числе и себе. Гера Тельбиз долго и непонятно объяснял, как взламывать защиту любого банка, и потом, когда Андрей познал это искусство в совершенстве, взял с него честное слово, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не использует это знание. Но за это рассказал, как защитить свой компьютер от любого вируса. Даже преуспев в цифровых технологиях, Андрей так и не смог с такой скоростью и так безошибочно набирать код на клавиатуре, как это делал Гера.

Андрей, тогда его иначе, чем Андрюша, не звали, любил этот дом и, в общем-то, считал его своим, хотя жил давно самостоятельно, далеко отсюда, в новом Академгородке на Урале.

«А он осунулся, совсем седой стал», – с горечью подумал Андрей, когда увидел отца на пороге деревянного дома, старинного, из темных струганых досок, с резными балясинами.

– Вера, смотри, кто к нам приехал! – крикнул Вадим Малахов, обернувшись к двери.

Вероника, а Андрей так всегда обращался к жене отца, выбежала на порог, вытирая руки о передник. Она, как всегда к приезду гостей, готовила на кухне что-то вкусное.

– Ну, наконец ты у нас! – обнял сына Вадим. – Что-то ты там, на службе, совсем погряз в делах. Отдыхать надо хоть иногда!

Вероника в первую очередь отвела Андрея в ванную, чтобы он «хотя бы помыл руки после поездки», потом практически через силу заставила съесть немного

очень вкусных запечённых баклажан с чесноком, в которые завернула острую овечью брынзу. Андрей никогда не подумал бы, что Вероника окажется такой отличной стряпухой. Для него мачеха, хотя он никогда, даже в мыслях, её так не называл, была скорее настоящим бойцом, чем домашней хозяйкой. Но ведь прошло столько лет…

Отец, с легкой иронией следя за этой суетой, подхватил один из наиболее аппетитных бутербродов и предложил:

– Давай пойдем к реке?

Уставший с дороги Андрей после сытных закусок слегка осоловел, но от прогулки не отказался. Пологий берег Москвы-реки подходил прямо к краю участка. Темный хвойный лес, словно его заставили, отступил от своих владений и освободил от елей пятачок, на котором стоял дом Вадима Малахова. К речке можно было спуститься по уже густому, даже в это время ранней весны, разнотравью. Солнце скатывалось к закату, и лягушки, казалось, устроили праздничный концерт в честь приезда Малахова-младшего.

– Как бы я хотел, чтобы ты приехал к нам надолго. Мы соскучились. И просто отдохнул бы… Ты жениться еще не надумал?

– Да нет, папа, пока нет. Работа…

– Да что работа?

Тут на ботинок Андрея, выскочив из травы, вскарабкался коричневый пупырчатый лягушонок, словно герой-первопроходец.

– Это не те, которые сейчас заходятся в воде, – отец увидел, куда смотрит сын. – Это древесная. Они смешные, ничего не боятся. Им, таким маленьким, уже нет смысла бояться. Живут и радуются каждой минуте. Почти нечего терять. В любой момент могут или прибить, или съесть, или раздавить… Я в детстве таких в пионерлагере надувал… Страшно подумать, насколько ребенок может быть жестоким.

– А ребенок не понимает еще, что такое жестокость. Жизненного опыта маловато.

– Ну да, в ребенке все может уместиться. И жалость к одинокому котёнку, и безжалостность к древесной лягушке…

– Ладно, пап, спрашивай. Я же понимаю, ты меня специально подальше от Вероники увел, чтобы посекретничать.

– Ладно, спрошу. Это правда? – Вадим Малахов внимательно посмотрел на сына, словно пытаясь понять его затаенные мысли.

– А как ты узнал? – Андрей сразу понял, о чем пойдет речь. – Я сам хотел тебе рассказать.

– Когда старт? – строго, совсем по-деловому спросил отец.

– Через неделю.

– То есть ты просто приехал попрощаться? – с неожиданной тоской в голосе спросил Вадим.

– Пап, ты же понимаешь, я не мог.

– Я все понимаю, но мне-то мог бы сказать. У меня-то и допуск повыше твоего будет.

– Вот потому я и говорю. Остальные члены экипажа такой возможности не имеют. Их близкие узнают все только после старта.

Вадим опустился на самый берег, чтобы перед ним шумел и играл брызгами на полузатопленной коряге только бурный поток весенней реки. Пошарив в траве, он нашел светло-коричневую сосновую иголку, взял её в рот и стал осторожно пожёвывать, словно пытаясь ощутить вкус прошлогодней осени. Потом, выплюнув иголку, неожиданно резко спросил:

– Но зачем тебе лететь? Ты же не космонавт!

– Пап, я конструктор. И бортинженер. Ну, по судовой роли. И потом… Ведь сердце корабля – та самая пирамидка. Это же мое. Это наше! Ничего страшного не произойдет. На беспилотнике уже испытывали. Установили в точке выхода квантовую связь. Отдельный космический модуль. Мы сможем нормально с Землей говорить. Три световых года, а связь будет моментальная!

– Как можно доверить свою жизнь какой-то антигравитационной пирамидке? Ведь никто не понимает, как она работает! Только и можете, что управлять ею вслепую.

– Половина человечества не знает, как устроен мозг. Однако все им пользуются! Можно сказать, вслепую.

– Я не доверяю ничему, что связано с Зоной! – резко сказал Вадим. – Тем более, когда это касается моего единственного сына.

– Папа, ты же сам когда-то в той же Зоне рисковал собой, уйдя в никуда на колесе обозрения. Ты сам пустышку использовал. Не зная даже, чем все кончится! А здесь все рассчитано, все проверено тысячу раз. И это реальный шанс – узнать все о Зоне! Понять, как её наконец уничтожить! Она же плодится! Мы Москву потеряли! «Московская зона» – замечательно звучит, не правда ли?! А я бы хотел по Красной площади прогуляться. И чтоб без оружия.

– А с чего ты взял, что это позволит изучить и уничтожить Зону? Сколько таких, отважных, уже пыталось. И какой результат? С каждой попыткой улучшить всё только хуже становится.

– Ну как, ведь откуда-то всё взялось? Радиант Пильмана никто не отменял. Беспилотник именно в ту точку и проскочил.

– Да неужели тебе не понятно, что радиант Пилимана – это чушь собачья?! На три световых года разброс по Земле такой, что никакую статистику невозможно вычислить!

– Но ведь совпало?

– Я ненавижу Зону. Ведь не мы её изучаем – она нас. И это не пафос из фантастических романов. На каждое наше действие Зона откликается таким противодействием, что усомниться в её разуме всё труднее.

Вадим задумался, мысли унесли его далеко в прошлое. В тот последний день на Байкале. Когда за несколько минут до отъезда в аэропорт Иркутска к домику, где жил Малахов, подъехало такси. Меланхоличный водитель погрузил в багажник два небольших чемодана, и Вадим с сыном устроились на заднем сиденье. Андрюша порывался сесть рядом с шофером, но тот напомнил ему, что надо подождать до четырнадцати лет. Вадим тогда ещё подумал, что сыну уже четырнадцать, а он, оказывается, так мало его знает. Вот теперь-то он никогда не расстанется с ним, они будут вместе ходить на рыбалку, на футбол, мастерить модели и будут часто отдыхать где-нибудь в уютном домике у моря. Но с тех пор поехать к морю так и не получилось ни разу.

– Ладно, о чем это мы? Ведь тебе через неделю лететь, – уже спокойно сказал Вадим. – Веронике сам скажешь?

– А она не знает?

– Конечно, знает. Но лучше будет, если ты сам ей сообщишь. Идем в дом.

Дома Вадим провел сына в свой кабинет. Прямо из светлой прихожей на второй этаж вела винтовая резная лестница. Андрей помнил её. Когда он был ещё маленьким, она тонко скрипела и остро пахла свежим деревом. Сейчас этот запах практически не ощущался.

– Вот ещё, – отец открыл шуфлядку письменного стола и достал оттуда коробку из красного дерева с медной защелкой. – Возьми. Это мой.

Андрей, уже догадываясь, что в коробке, осторожно открыл крышку. Да, отцовский пистолет «Дезерт Игл». Он хищно поблескивал из темно-синей бархатной оббивки светлым металлом. И хотя пистолет прошел непростой боевой путь, выглядел как новенький.

– Но ведь нельзя на борт… – тихо произнес Андрей.

– Я тебя научу, как пронести. Пойдем в столовую, Вероника, наверное, уже накрыла стол.

После обеда Андрею пришел вызов – за ним летел вертолет. Срочный сбор экипажа. Уже на трапе вертолета Андрей обнял Веронику и тихо шепнул ей на ухо: «Я вернусь. Вы меня дождитесь».

Вертолет плавно набирал высоту, словно давая Андрею время проститься с родителями. Маленькие фигурки отца и Вероники, прижавшиеся друг к другу плечами, улетали вниз, и казалось, что они оставались одни-одинешеньки на всей Земле, окруженные рекой, лесом, лугом. Они долго смотрели в небо, тоже прощаясь с сыном, будто навсегда.

Глава 1

– Я тоже хочу в космос, – сказал я, – но я там никогда не буду.

– Ну, не надо так говорить. – Толик захотел меня поддержать. – А вдруг все поменяется? И опять страна станет такой же великой, как раньше.

– Моя мама, когда такое слышит, говорит, что это все совковые бредни, – тихо ответил я.

– Разве мечтать о том, чтобы жить в сильной и хорошей стране, это бредни, это плохо?

Мы замолчали. Потрескивали, догорая, уголья, чай в котелке почти кончился, а спать не хотелось.

И тут словно легкое шевеление пробежало по рядам машин. Мы замолчали и замерли. В темноте начали разгораться фары машин. Как свет в кинотеатре, плавно – от слабого тусклого огонька до ярких прожекторных лучей. Все кладбище ожило. Расцветилось белыми фарами, желтыми подфарниками, красными стоп-сигналами. На пожарных машинах замелькали синие огни спецсигналов. От вертолетов прямо в небо устремились столбы белого света.

Техника, затаившись, смотрела на нас и на мир своими сияющими глазами.

«Красный сигнал»

Постановление высшей государственной аттестационной комиссии о назначении членов экипажа космического корабля «Федерация-2» для полета на Шестую космическую станцию с дальнейшей процедурой перемещения методом подпространственного прыжка.

Корабль «Федерация-2», состав экипажа:

командир, подполковник Протасавицкий Константин Петрович;

первый пилот, майор Степанов Борис Михайлович;

штурман, Переверзев Виктор Тимофеевич;

бортинженер, Малахов Андрей Вадимович;

врач, Синельникова Екатерина Андреевна.

Москва 20… год.

Секрет двигательной установки «Космической станции-6» не разглашался нигде. И будущий старт в прессе тоже практически не освещался. Объявлено было просто – испытания нового корабля для орбитальных полетов.

Но в самый день старта с этой экспедиции завеса тайны упала. По всем инфоканалам стали передавать, что на орбите Земли членов экипажа орбитального корабля «Федерация-2» ожидает новая космическая станция «КС-6». Что станция эта обладает уникальной двигательной установкой, явившейся результатом современнейших разработок отечественного научно-конструкторского комплекса, позволяющей переместиться через кротовую нору на несколько световых лет без вреда для космонавтов. Энергетическим

ресурсом для станции служит новейший термоядерный реактор, никогда до сих пор не показанный широкой общественности, обеспечивающий практически неисчерпаемый ресурс.

Кроме того, за счет ресурсов реактора, практически неограниченных, создана электромагнитная защита от космического излучения. Конструкция станции, представляющая собой гигантский тор, позволит поддерживать силу тяжести, что сохранит экипажу здоровье в длительном полете. Конечно, никто не сообщал, что сердце двигательной установки – это антигравитационный артефакт из Московской Зоны, но никого это и не интересовало. Старт в ту точку Вселенной, откуда прилетела таинственная пирамидка, был тщательно подготовлен и неотвратим.

Малахов никогда раньше не бывал на Байконуре. И никогда не видел космических кораблей вот так, вживую. Долгая подготовка велась на тренажерах и тренировочных стендах, а масштабная копия корабля в центре подготовки хоть и не отличалась от настоящего, но все-таки была обычным тренажером. Конечно, он видел хронику – и общедоступную, и специальную, но реальная картина величественных сооружений его потрясла. Только сейчас, когда автобус с экипажем подъезжал к стартовому столу, Андрей осознал, насколько ракета грандиозна. Сам корабль был маленькой частью гигантского сооружения, пока еще скрытого мачтами обслуживания. Автобус приближался к месту старта, а ракета, казалось, становилась все больше и больше. Экипаж вышел из автобуса метров за сто от нее.

Весенний ветерок гулял по степи, играя пылевыми бурунчиками и клубками перекати-поля. Когда порывы усиливались, ветер начинал совершенно явственно свистеть, задувая в открытые гермошлемы. За те несколько минут, пока космонавты шли к провожающему руководству, у Андрея складки рукавов скафандра забились полосками светлой пыли. Он попытался вытряхнуть её, но пыль не поддавалась. Малахов ещё подумал, что теперь он никогда от этой пыли не избавится и она будет его преследовать повсюду.

– Не беспокойся! – Екатерина Синельникова заметила, как он отряхивается. – Перед посадкой в кабину всех пропылесосят.

Потом был официальный доклад начальству, традиционные напутствия и фотографирование. Через полчаса все устроились в кабине корабля.

Кресло Андрея Малахова находилось прямо за спиной командира. Руководил экспедицией подполковник Протасавицкий – опытный космонавт, первый и единственный, кто смог посадить спускаемый аппарат на астероид. Он был немолод, но в его невысокой, плотной фигуре бурлила энергия, которой мог позавидовать любой член экипажа. Сейчас из-за высокой спинки кресла его гермошлем был еле виден.

Внутри корабль обустроили как просторный самолетный салон: два ряда ложементов, большие иллюминаторы. Впрочем, они откроются только на орбите. Андрей вполуха слушал обмен данными и лаконичные переговоры командира корабля, пилота и штурмана, которые сидели в первом ряду. На этом этапе полета он и врач – Катя Синельникова – были просто пассажирами. Синельникова ободряюще улыбнулась Малахову с соседнего кресла. Пока перед стартом кабина освещалась полной иллюминацией. Под гермошлемом на светлом ежике коротко постриженных Катиных волос играли блики, от этого веселое лицо без грамма косметики казалось совсем юным и свежим. Запах озона, следствие предстартовой дезинфекции, наводил мысли о весенней грозе.

Прошла последняя перед стартом проверка, погасло рабочее освещение, сменившееся малым, дежурным тусклым светом. Одновременно с ревом двигателей стала нарастать вибрация. И хотя Андрей прошел много тренировок на тренажерах, все равно инстинктивно впился пальцами в подлокотники ложемента. Он скосил глаза и увидел, что Катя сидит совершенно спокойно. Малахову стало стыдно. Правда, у нее это был уже третий полет и полгода работы на орбите.

Чтобы расслабиться, Андрей закрыл глаза и попытался думать о чем-то отвлеченном, а не об адском столбе пламени, поднимающем в небо корабль. И он вдруг совершенно явственно почувствовал запах грибного супа. Того самого, которым много лет назад там, в Зоне, его угощал Тимур. И его, и его друзей – Юрку и Бэрика. Запах пьянил, и на Андрея вместе с запахом наплывали воспоминания почти двадцатилетней давности.

Как Тимур с Клавой вдруг побежали к кабинке, которая как раз опускалась на площадку. Замахали Герману, чтобы он остановил колесо. Вытащили из кабинки человека, тот был без сознания. Клава побежала к вертолету, оттуда она вернулась ещё с одним человеком. Он нес чемоданчик с красным крестом на крышке. А Андрей боялся подойти. Он понял, кто это был в кабинке. Его потом несли на носилках к вертолету, а Андрей шел рядом и держал его за руку. И

потом, уже в вертолете, сидел возле отца и не слышал ни грохота мотора, ни разговоров вокруг.

Сейчас, в кабине корабля, Андрей подумал, что с тех пор ничего страшнее тех нескольких минут у него в жизни никогда не было. Ни чудовищные создания Зоны, ни подлые люди не могли никогда так испугать его, как был он испуган в тот момент. Несколько минут животного ужаса, пока не стало понятно – отец жив.

Давно в воспоминаниях остались и Зона, и её порождения. Успели забыться и твари Новой Зоны. Жизнь шла своим чередом, но почему-то именно сейчас, на старте, Малахов вспомнил об этих минутах.

– Не спишь, бортинженер? – раздался в наушниках голос командира. – Не спи! Невесомость пропустишь.

И вправду, перед лицом Андрея плавно проплывал плюшевый длинноухий пёс – талисман корабля.

– О, а я даже не почувствовал.

– Так ты сидел, как комок горя! – Командир хохотнул. – Не переживай – первый раз у всех так. – И добавил уже официально: – Экипажу проверить оборудование, приготовиться к стыковке.

А Малахов только сейчас увидел, что на иллюминаторах убрали защиту и там, за сверхпрочным стеклом – звёзды. Мириады звезд, столько их никогда не увидишь с Земли.

Все оборудование, за которым надо было следить Андрею, находилось на станции, так что ему нужно было только расслабиться и ждать. Штурман, самый старший в экипаже, его все звали по отчеству – Тимофеич, проверял телеметрию перед стыковкой. Время от времени он кратко диктовал цифры по корректировке орбиты. Стыковка происходила на первом витке и требовала от команды особой точности. Катя пробежалась глазами по монитору, установленному перед ней в спинке кресла. Все медицинские показатели экипажа были в норме, и особых забот у нее тоже больше не было.

Стыковка проходила в автоматическом режиме, все шло обыденно, словно на тренажерах. Андрей поглядывал на монитор командира через плечо. Там в окружении цифр и вспомогательной информации было видно громаду станции. В голове пронеслась шутка, надоевшая ещё с первых тренировок: что попасть в дырку от бублика – не слишком сложная наука. И вправду, стыковочный узел находился как раз в центре гигантского тора – жилых и технических отсеков станции.

Малахов находился в странном состоянии. Словно мир вокруг него вертелся и трансформировался, а он, как исходная точка этого мира, бы неподвижен и неизменен. Какие-то неясные образы, обрывки фраз экипажа, время от времени пинки в бок от Кати, она была явно обеспокоена тем, как он себя вел.

Толчок, практически незаметный, но достаточно жесткий, чтобы понять, что стыковка произошла, вернул Андрея в реальное мировосприятие.

– Так! Все в своем уме? – Командир, похоже, был в курсе, что Малахов впал в эйфорию, такую знакомую для опытных космонавтов.

– Так точно, – доложил Андрей, испугавшись своего громкого голоса.

– Ото ж, – добродушно буркнул Тимофеич. – Тебе, Андрюха, теперь пахать придется за всех нас.

– Ну, так зачем же меня сюда взяли? – совсем не удивился Малахов.

– Тебя взяли, чтобы Кате было о ком заботиться, – буркнул первый пилот Степанов. – А то есть такая примета: если у врача нет пациентов, то скоро заболеют все.

Степанов, широкоплечий сибиряк, славился своим особым чувством юмора, но иногда его шутки понимали не все и не сразу.

– Что за примета дикая! – вмешалась Катя и почему-то покраснела. – Мне все члены экипажа одинаково важны.

– Это у меня такая примета, – ответил Степанов. – Важно в команде иметь ипохондрика, и пусть врач его лечит. А остальные будут здоровыми ходить.

– Прекратить болтовню! – раздалась команда Протасавицкого. – Приготовиться к переходу на станцию.

То, что переходной люк открыт, стало понятно и по перепаду давления, возникшему в первый момент, и по тому, что корабль заполнился новыми запахами. После стерильного, как в медицинском кабинете, воздуха корабля со станции потянуло перегретой изоляцией, затхлостью и даже, хотя это могла быть иллюзия, запахом керосина.

Ритуал, вернее, процедура перехода была отрепетирована многократно. Командир, пилот, врач, потом бортинженер и последним – штурман.

Уже на борту станции Малахов сделал первое, что должен был сделать. Рядом со стыковочным отсеком, практически в центре бублика, располагался блок перемещения. Это была небольшая герметичная камера, внутри которой находилась пирамидка. Тот самый загадочный артефакт, который когда-то перевернул мир, породив новую Зону. Тот самый предмет, который позволил впервые создать подпространственный движитель. И тот, которого Андрей чувствовал как часть себя, и как казалось, артефакт чувствовал его.

Заглянув в небольшое окошко на одной из граней блока, Малахов убедился, что пирамидка на месте и стоит, освещенная голубоватым светом. И как всегда, когда Андрей находился рядом с ней, он ощутил легкую вибрацию – аномалии гравитационного поля.

Тороид космической станции соединялся с центром тремя переходными тоннелями. Два позволяли перемещаться команде, а один хранил в себе мощный гамма-лазер на свободных электронах, который должен был запустить рождение подпространственного перехода – кротовой норы. В нем же был термоядерный реактор, который питал лазер, обеспечивал работоспособность станции и защиту от космического излучения. Станция не была рассчитана на обычное перемещение в космосе и своих двигателей не имела, только два мини-челнока для исследовательских целей, их ещё называли катерами.

– Всем собраться на мостике через пятнадцать минут! – раздалась команда командира экипажа. – Начинаем комплексную проверку.

Малахов, не слишком опытный в перемещениях в невесомости, держась за поручень, с трудом добрался до хранилища скафандров, если так можно было назвать это микроскопическое помещение. Сменив скафандр на повседневный комбинезон, Андрей проверил свою сумку с планшетом, в которую заодно спрятал подарок отца, и двинулся к мостику, все так же цепляясь за поручни. И с завистью посмотрел, как мимо него, словно птицы, пролетели остальные члены экипажа.

– Смотри не опоздай, – подбодрил его Тимофеич, оглянувшись.

Естественно, на мостик Малахов попал последним. Он, неуклюже потолкавшись о другие кресла, занял свое место в ложементе рядом с командиром.

– Доложить состояние систем и механизмов!

– Системы ориентации и жизнеобеспечения в норме, – отозвался пилот.

– Системы навигации в норме, находимся на заданной позиции.

– Гамма-лазер и системы контроля в норме. – Именно за это отвечал в основном Малахов. – Бортовые вычислительные системы в норме.

– Системы жизнеобеспечения и вентиляции работают штатно. Медотсек санирован и опечатан, – это был доклад врача.

– Земля, докладывает командир корабля. Все системы штатно. Готовы к прыжку. Корабль доставки отстыкован.

– «КС-6», прыжок разрешаем, – ответила Земля.

– Надеть скафандры высшей защиты, приготовиться к прыжку.

Системы высшей защиты называли по традиции скафандрами. А в реальности это были сложные конструкции, центром которых было кресло космонавта, и

снаружи его заключали в титаново-ситалловую сферу, которая по команде командира мгновенно превращала каждый ложемент в непробиваемую автономную капсулу.

– Приготовиться к прыжку! Бортинженер, привести системы в готовность. – Голос командира стал жестким.

– Вывожу реактор на рабочую мощность, – глубоко вдохнув, чтобы унять волнение, доложил Малахов свой первый шаг.

На кокпите командира растущей красной полоской на дисплее отобразилось увеличение мощности термоядерного реактора в несколько раз.

– Запускаю гамма-лазер, – продолжил Андрей. – Мощность ондулятора сто процентов.

Длинный ондулятор, устройство, которое должно было через несколько мгновений заставить моноэнергетический пучок электронов заметаться, отдавая гамма-кванты на пирамидку, загудел на низких частотах. И хоть до него от кокпита было далеко, Малахов то ли чувствовал, то ли и вправду услышал этот гул.

– Разрешите запуск движителя?

– Разрешаю, – как-то обыденно ответил командир.

– Последовательность импульсов задана. Включаю ускоритель электронов, – доложил Андрей.

Члены экипажа «КС-6» были первыми людьми, проникающими сквозь подпространственный коридор. Эксперименты с животными проходили успешно, но как отреагирует человеческий мозг на этот полет, не знал никто. Высказывались теории, что в мозгу может нарушиться нейронная связь, но собаки, совершившие перескок на третьей станции, прекрасно сохранили свою память, по возвращению встретив людей радостным виляниием хвостов. И все-таки тревога трепыхалась в душе у каждого космонавта миссии «КС-6».

Рентгеновский пучок такой мощности, что испарил бы не только живое существо, но и любой металл, ринулся к пирамидке, с которой была снята стальная защита. В гигантских иллюминаторах капитанского мостика отразилось темно-лиловое свечение, которое возникло посреди тора, там, где располагался движитель.

– Наблюдаю рост гравитации в районе движителя, – пришло сообщение от штурмана.

– Нормально. До скачка. – Малахов начал обратный отсчет: – Пять, четыре, три, два, о…

Договорить он или не успел, или голос его просто исчез, как исчезло всё. Именно исчезло. Сознания Андрей не потерял, но не работало ни одно из чувств. Ни слух, ни зрение, ни обоняние. Казалось, не работал даже мозг. Оставалось просто осознание самого себя и того, что он ещё существует. Кротовая нора растянула людей на миллионы километров, при этом не нанося им никакого вреда.

И выплюнула в другой части Вселенной.

Глава 2

По карте до Зоны было километров пятьдесят. И плыть мы должны будем по течению, так что особенно и грести не нужно. План у нас сложился простой. Мы днем подплываем к самой границе Зоны и потом наваливаем на лодку всяких веток, маскируем ее. А ночью, тоже замаскированные ветками, цепляемся за борта и тихонечко плывем в Зону. Охрана наверняка подумает, что это какой-то речной мусор. Самое главное – на воде нет ни минных полей, ни колючей проволоки. А пройдем границу – только и ищи нас.

Но все вышло по-другому.

Оказалось, что проплыть пятьдесят километров по реке не так-то просто. Во-первых, грести все-таки пришлось, иначе плыли бы мы совсем медленно. Я никогда не думал, что течение в Припяти такое вялое и лодку будет все время

сносить к берегу. Бэрик, он захотел грести первым, сразу натер мозоли на руках. Грушевский сказал, что он нес лодку дольше всех, так что грести в итоге пришлось мне. Когда до Зоны оставалось уже километра четыре, Бэрик вдруг завил, что он не может терпеть и ему срочно надо сойти на берег. А то, что я тоже натер руки почти до крови, никого не интересовало.

«Красный сигнал»

Дождь усердно барабанил в стекло. Стучал упорно и безнадежно, как заблудившийся путник в темное окно пустого дома. Иногда порывы ветра заставляли звук капель затихать или усиливаться, но все равно дождь не переставал. Андрей проснулся и не мог сразу понять, где он находится. Глаза, хоть и были открыты, не видели ничего. Внезапно дождь и все звуки, связанные с ним, прекратились. Наступила полная тишина.

– Доложить по постам! – раздался в наушниках хриплый голос командира.

– Место положения неизвестно, провожу анализ, – первым доложил штурман Переверзев.

– Системы в норме, жизнедеятельность станции в норме, – доложил пилот.

– Состояние экипажа – удовлетворительное, – доклад врача был краток.

– Гамма-лазер заглушен, мощность реактора в норме. Включаю защитные электромагнитные поля, – штатно ответил Малахов. И спросил не по инструкции: – Скажите, я один слышал шум дождя?

– Отставить, – мягко сказал командир.

Полусферы скафандров высшей защиты с легким механическим шипением спрятались за креслами экипажа.

– Господи, как много звезд! – раздался голос Тимофеича. – Это совсем не наше небо.

В иллюминаторы глядели чужие созвездия. И казалось, мириады незнакомых светил пытались разглядеть космонавтов.

– Есть данные по позиции, – совершенно обыденно доложил штурман, словно он считал данные с автомобильного навигатора, а не провел сложнейшие вычисления. – До станции квантовой связи пятьсот километров. Короче, мы практически тютелька в тютельку попали туда, куда летал беспилотник.

– Скажи спасибо Малахову, – вмешался пилот. – Это он последовательность импульсов задавал.

– Бортинженеру – установить связь с системой квантовой связи. – Командир сохранял протокольное общение, используя только фразы, положенные по инструкции.

Малахов подключил борт к модулю связи, для этого понадобилось всего лишь несколько манипуляций с терминалом главного компьютера.

– Связь установлена, – стараясь говорить так же бесстрастно, как командир, сообщил он.

– Связь на мой пульт, – отрывисто произнес командир. – Акустику на громкоговоритель.

– Земля, говорит командир станции «КС-6» подполковник Протасавицкий. Находимся в конечной точке броска. Самочувствие экипажа нормальное. Станция готова к работе.

В ответ была только тишина.

– Когда нам рассказывали об этой системе, то говорили, что квантовая связь будет работать мгновенно. – Тревожный Катин голос только больше усилил напряжение паузы.

– Должна работать, – сдержанно ответил Малахов.

– «КС-6» – рады вас слышать, – ожил динамик. – Поздравляем вас с успешным окончанием первого этапа полета. Президент лично передает вам наилучшие пожелания.

– Кто на связи? Всеволод Кондратьевич, ты? – Протасавицкий был уверен, что с ним должен говорить именно глава ЦУПа Всеволод Кондратьевич Бородин.

– «КС-6» – сообщите данные состояния станции, – сухо отозвался ЦУП, но потом добавил уже теплее: – Я это, Константин Петрович, кто же ещё.

– Станция в порядке, все системы работают штатно. Самочувствие экипаж хорошее.

– Приступайте к работе по регламенту. До скорой связи по расписанию.

– Какие-то они безразличные, – удивилась Катя.

– Ну, им сейчас телеметрию принимать – расшифровывать. Голова пухнет, наверное. Включить гравитационный стабилизатор, – командир перешел к штатной процедуре.

– Есть включить стабилизатор, – ответил Малахов и добавил: – Ребята, держитесь в креслах, вначале может и покачать.

Практически вся энергия реактора, которая раньше была задействована на работу гамма-лазера, сейчас пошла только на электромагниты, расположенные вокруг стыковочного узла посредине тора. Станция сначала почти незаметно, а потом все сильнее и сильнее начала вращаться вокруг своей оси. Центробежная сила создавала искусственное тяготение. Еще несколько минут, и тяжесть вдавила экипаж в кресла. Так же, или почти так же, как вдавливает любого человека на Земле. Гравитация больше земной на одну десятую была установлена без каких-либо проблем.

Но процедура стабилизации на этом не окончилась. Гамма-лазер в очередной раз задал последовательность импульсов, и теперь от центра станции, метров на двадцать, распространилась зона невесомости, плавно ослабевающая по направлению к тору. Это было сделано для того, чтобы уменьшить механические

нагрузки на системы управления прыжком.

– Ну что, все в норме? – Радостный голос пилота разрядил обстановку. – А где тут у нас бар?

– Кого в команду набрали? – засмеялся Протасавицкий. – Одному выпить, другой дряхлый пистолет на борт протащил, третья послушалась командира и половину бортового спирта заменила на коньяк… Один Тимофеич – честный служака.

– Вот же что за народ, – отозвался штурман. – Знал бы я, что командир наберет бухла, стал бы тащить бутылку? Я бы полезное что-нибудь прихватил.

«Они что, совсем с ума сошли?» – подумал Андрей, для него полной неожиданностью был такой внезапный переход от строгого протокола к обычной жизни. – «Лететь на другой край Вселенной, чтобы бухать?»

– Товарищи, а не рано? – не выдержал он. – Мы даже не понимаем, где находимся. А уже праздновать собрались.

– Экипажу провести регламентные проверки и через полчаса собраться в кают-кампании. Форма одежды – партикулярная, – кашлянув, произнес капитан.

– Какая? – не поняла Катя.

– В твоей каюте есть шкаф, там и одежда, и ее названия, – объяснил Тимофеич.

Малахов поймал себя на мысли, что, оказывается, известная ему до винтиков станция имеет свои секреты. Он без труда нашел свою каюту, на двери красовалась маленькая табличка «Малахов А. В. бортинженер». Естественно, внутри всё было достаточно аскетично и рационально. Удобная койка, туалет за перегородкой, полка для личных вещей, небольшой выдвижной столик, на который можно было поставить ноутбук, и табуретка с мягким сиденьем.

Тот самый шкаф в каюте, скрытый за панелью возле кровати, содержал три повседневных комбинезона и смокинг, к плечу которого была пришпилена бирочка – «партикулярное». Лаковые туфли нашлись внизу на полочке. Андрей подумал, что такое мог придумать только жуткий извращенец. Или враг. Надев

смокинг и глянув в зеркало, все же остался удовлетворённым. Малахов впервые нарядился так торжественно, но смокинг с атласными лацканами и рубашка с галстуком-бабочкой, как ни странно, смотрелись на нем неплохо. А вот туфли оказались жестковаты.

Кают-кампания выглядела как банкетный зал. Стол по центру накрыли белой скатертью и включили полную иллюминацию. Видимо, этот ритуал – прием по случаю начала экспедиции – был задуман заранее. Командир в белоснежном парадном мундире, с золотым шитьем на стоячем воротнике блистал элегантностью. И штурман, и пилот тоже были в армейской торжественной форме. Малахов в гражданском смокинге почувствовал себя здесь немного чужим.

– А теперь наш уважаемый доктор! – объявил командир.

Катя, а Андрей её видел всегда только в медхалате поверх рабочего комбинезона, вошла в кают-компанию в длинном черном платье, которое сверкало блестками, словно хотело затмить в иллюминаторах все звезды, которые неслись хороводом мимо вращающейся станции.

– Я так и знал, – прошептал Тимофеич за спиной Малахова.

– Итак, товарищи, – командир поднял бокал, – за наш первый день на орбите! Угощайтесь!

Высокие бокалы на тонких ножках с вычурной резьбой по хрусталю были аккуратно расставлены на столике.

Но внезапно праздник был нарушен. Гадкий звук тревоги прервал импровизированный бал. Электронный голос компьютера произнес:

– Нарушение гравитационной стабильности. Ожидается десять минут невесомости до стабилизации.

– Малахов, что такое? – сердито спросил командир и глянул в иллюминатор.

Вращение тора станции не прекращалось, и причина потери притяжения явно была не в этом.

– Разрешите разобраться? – Андрей хотел вложить как можно больше официальности в вопрос. Но подумав, добавил: – Мне надо на мостик, к компьютеру.

– Давай, только быстро.

Быстро не получилось. Как и предсказал искусственный интеллект станции, гравитация исчезла.

Катя, уже успевшая сесть у столика, плавно, практически не шелохнувшись, стала взлетать вверх. Бокалы, оставленные экипажем на столе, тихо звякнули и тоже поднялись над скатертью.

– Ничего страшного, – произнес Степанов. – Обычная отдача твердых тел после снятия нагрузки. Андрюха, ну давай разберись скорее, а то сейчас будем коньяк в шариках губами ловить.

Малахов, так и не успевший поднатореть в перемещениях при невесомости, неуклюже двинулся на мостик.

На своем инженерном мониторе Андрей видел тревожную красную надпись. Но тест систем показал, что все работает нормально. Пришлось с помощью гравитометров искать источник нарушения. Чуткие датчики начали сканировать пространство вокруг станции. Пройти процедуру до конца они не успели. Сила тяжести придавила Малахова в кресле. Аномалия исчезла так же внезапно, как и появилась. Андрей чертыхнулся, опять запустил тестирование систем и, убедившись, что всё в порядке, пошел в кают-кампанию.

А там, устроившись вокруг стола, экипаж весело что-то обсуждал.

– Ну что, Андрей, все починил? – поинтересовался командир, жестом предлагая взять бокал.

– Оно само, – не очень убедительно сообщил Малахов. – Все системы были в норме, это внешнее воздействие.

– Ладно, давайте все-таки выпьем за начало нашей экспедиции. Хотя и немного странное, – поднял свой бокал Протасавицкий.

Никто не стал возражать, и, чокнувшись, выпили до дна.

– Так что ты хочешь сказать? – спросил командир, хотя Малахов и не собирался ничего говорить. – Это было внешнее воздействие?

– Это было очень странное внешнее воздействие. – Андрей поставил бокал на стол. – Не просто приближение большой массы. Как будто некий источник гравитации, или даже скорее антигравитации, стал подавлять наше искусственное тяготение.

– Умышленно, хочешь сказать? – спросил Степанов.

– Боря, я не знаю. Может, здесь существует некая аномалия гравиполей, которую мы не видим и не ощущаем. До поры до времени.

– Странно, сколько Вселенную изучали – не находили, а тут раз – и напоролись? – Штурман подсел поближе. Он, как навигатор, хорошо разбирался в конфигурации гравитационных полей, но в ближнем космосе.

– А что же здесь странного? Судя по всему, мы прилетели, нет, перескочили в ту точку Вселенной, откуда наш движитель родом. Я так думаю, мы здесь много интересного ещё увидим, – не согласился Малахов. – А с другой стороны, мы же ведь так ни на микрон не приблизились к пониманию того, что такое гравитация. Ну да, в руках у нас инструмент, которым мы умеем пользоваться. Но этот инструмент… скажем так, как электронные часы в руках неандертальца. Возможно, он научится ими пользоваться, но понять, как они работают, – вряд ли.

Несмотря на то что Андрей спорил уверенно, его грыз червь сомнения. Ведь может оказаться, что неведомая сила сыграет с ними какую-нибудь очень злую шутку, которой они противостоять не смогут.

– А что, неандертальцы знали, что такое время? – немедленно включился в спор пилот. – Еще скажи, что они сообразят батарейки в часах поменять.

– Хорошо, часы на солнечных батарейках, – вяло парировал Малахов.

– Ладно, давайте не выдвигать преждевременные гипотезы и не спорить на абстрактные темы. – Спокойный голос командира погасил начинавшуюся дискуссию. – Мы же не просто путешественники, мы исследователи. И мне кажется, что наших средств и знаний должно хватить, чтобы понять, где мы и что вокруг происходит. Конечно, в идеале мы должны понять – откуда взялась Зона, или зоны. Ну, скорее не откуда, а почему. Откуда – рабочая версия, пока что отсюда. Возражений нет?

Возражений не последовало.

– Тогда предлагаю ещё по одной, потом ужин и спать. Завтра у нас первый рабочий день. Доктор, подготовьте утром сводку для ЦУПа о состоянии экипажа.

– Хорошо, Константин Петрович, – кивнула Катя и добавила так, чтобы услышали все: – Утром натощак ко мне, анализы сдавать.

– А если алкоголь обнаружится в крови? – Степанов сделал вид, что обеспокоен.

– Тогда я попрошу нашего бортинженера в фотошопе графики подправить, – совершенно серьезно сообщила Катя.

Глава 3

Невероятно, невозможно и фантастически посреди дремучего леса лежала на брюхе подводная лодка. Её корпус, когда-то черный, а теперь в потеках ржавчины, опутывала лесная растительность; поникший двухцветный флаг на рубке был разорван в клочья, но все равно лодка выглядела внушительно и непобедимо.

– Откуда это? – задал я сам себе дурацкий вопрос.

Мы смотрели на лодку не отрываясь, как на самое великое чудо Зоны. Ыду успокоился и, поддерживаемый лаем Бруно, пошел вперед. Но самыми активными оказались зомби. Они из шеренги перестроились в колонну по одному и зашагали к лодке. Ну, раз они не боятся, то и нам бояться нечего.

Медленно, шаг за шагом мы обошли морское чудо. В одном месте к борту субмарины прислонилось рухнувшее от старости дерево, образовав естественный трап. И мы, конечно, полезли на борт. Зомби, словно только и ждали этого, опередили нас и ловко вскарабкались по бревну на палубу. Я не знаю, может, у подводных лодок и не палуба, но я решил называть именно так. Моя лодка, как хочу, так и называю.

«Красный сигнал»

Вой тревожной сирены не дал Малахову поспать и трех часов. Он бегом примчался на мостик, следом за ним вбежал штурман, и вот уже вся команда была в сборе. Кроме Кати, которая находилась в медотсеке, как и полагалось в таком случае.

– Мне кажется, – произнес командир, – мы на пороге самого великого открытия в истории человечества. По данным радаров к нам приближается гигантский космический аппарат. Смотрите!

Капитан вывел на главный монитор изображение с радара. На мониторе появилось неизвестное тело. Громадная капля длиной в пару километров висела посреди экрана.

– А теперь визуальные данные, – продолжил Протасавицкий.

Синтезированная из данных локатора картинка сменилась реальным изображением. На фоне бесчисленных звезд застыла темно-синяя, переливающаяся разными оттенками, похожими на цветами побежалости, обтекаемая капсула. Её можно было принять за личинку морского животного, плавно мигрирующую в водах Мирового океана. Но было одно но.

При увеличении изображения стало понятно, что поверхность этого объекта казалась гладкой только издалека. На фоне циклопических размеров терялись мелкие детали. Люки, иллюминаторы, сопла ориентационных двигателей и антенны. Еще больше увеличение показало, что капля не образована однородным веществом, на поверхности ее происходит движение – непонятные для землян механизмы совершали эволюции: вращались, перемещались и перемигивались сигналами. Это придавало капле вид существа, постоянно меняющего оттенки своего цвета.

– Ну и дура… – произнес Степанов. – Какая его траектория? Откуда оно?

– Ниоткуда, – ответил Тимофеич, который был занят изучением данных с радаров. – Возникло десять минут назад прямо тут!

– Возмущений гравиполей не было? – спросил Малахов.

– Нет.

– Безумие физического состояния этой части космоса становится его отличительной чертой, – сказал Андрей. – То без каких-либо причин скачки гравитации, то прилетает мегамиллионнотонный объект – и никаких возмущений!

– До связи с ЦУПом четырнадцать часов. Как считает экипаж, надо ли начинать протокол «Контакт?» – поинтересовался Протасавицкий.

– Я считаю, что, в общем-то, ради этого мы и ныряли в кротовую нору. И протокол ради этого составлялся. – У пилота не было сомнений.

– На мой вопрос, согласно тому же протоколу, надо получить согласие всей команды. Кто против?

Молчание было ответом.

– Катя, вопрос к тебе, – по телекому обратился командир, – согласна ли ты к активации протокола «Контакт»?

– Да, конечно, только… – Катя замялась. – Мальчики, пожалуйста, осторожно!

– Осторожность – наше второе имя, – ответил Протасавицкий. – Так как наш визитер стоит не очень удобно, для наблюдения за ним предлагаю переориентировать станцию, чтобы он стал на оси вращения. По крайней мере, не будет мелькать перед глазами. Степанов, приступайте.

– Есть, командир.

Пилот занял свое место и отдал приказ: «Экипажу пристегнуться, совершаем перемещение».

Задача не представляла из себя ничего сложного. Необходимо было развернуть тор станции таким образом, чтобы условный перпендикуляр, проведенный из центра бублика, проходил через неведомый объект. В этом случае даже для вращающегося капитанского мостика пришелец всегда будет в поле видимости.

– Тимофеич, а не выдал бы ты мне траекторию разворота? – совсем по-домашнему попросил пилот. – А то что я буду мотылять народ!

– Боря, держи, кинул на твой терминал, – так же не по-уставному сообщил штурман.

Андрей ещё с тренировок знал, что общение пилота и штурмана никак не соответствует протоколу. Но для слётанного экипажа правил не существовало.

– Начинаю, – тихо сказал Степанов.

Правую руку он положил на джойстик, управляющий вектором тяги. Левая рука управляла силой тяги.

В первый момент показалось, что все элементы «КС-6» застонали от нестерпимой боли. Но это только в первый момент. Скрип конструкций, напрягшихся от импульсов ориентационных движков, постепенно затих, и вот величественный тор начал медленно, словно неохотно, разворачиваться. Опять взвыли, сопротивляясь, силовые составляющие станции, и тор застыл в новом положении.

– Станция стабилизирована, – уже официально сообщил пилот.

– Молодец Боря, – отозвался Протасовицкий. – Бортинженер, активировать протокол «Контакт».

– Щас… – попробовал так же по-свойски ответить Малахов, но понял по повисшей тишине, что ему такое не позволено. – Секвенцию световых сигналов протокола «Контакт» – активирую.

Первый этап протокола состоял в подаче световых сигналов, позволяющих показать, что на станции находятся разумные существа, и предложить схему, по которой можно в дальнейшем общаться.

Световые пушки, установленные на внешней стороне тора, начали выдавать сигналы. Сначала простая последовательность. Одиночный сигнал, который то нарастал, то спадал. Подразумевалось, что это будет демонстрацией того, что световые вспышки никак не являются оружейными и агрессивными. Потом, после того как секвенция переменных сигналов закончилась, пошли на среднем уровне яркости сигналы цифровых последовательностей. Одна вспышка, пауза. Две вспышки, пауза, три… И так далее до девяти. Таким образом подразумевалось, что удастся передать десятичную систему исчисления.

Реакции от пришельца не было никакой.

Все так же его поверхность переливалась синими оттенками, все так же деловито работали неведомые механизмы. Чужая капля не проявляла ни агрессии, ни дружелюбия, ни даже хоть какого-нибудь интереса.

После простой последовательности пошли двоичные сигналы. Одновременно с вспышками, соответствующими десятичной системе, на поверхности тора, покрытой сетью светодиодных микропрожекторов, стали появляться двоичные коды.

Сначала появились четыре квадрата, очерченные контуром. Подразумевалось, что это ноль. Потом одна вспышка прожектором – единица, и одновременно осветилась одна из ячеек, засверкав ярким квадратиком.

Две вспышки – уже светится вторая слева ячейка на матрице, потом три вспышки и две светящиеся ячейки. Повторяя десятичный код и соответствующие цифрам их двоичные значения, дошли до десяти. Капля не обратила внимание и на это.

– Так, – громко, чтобы слышали все, сказал Андрей. – По нашему протоколу уже сейчас мы должны были получить хотя бы какой-то отклик от оппонента. У меня в протоколе дальше написано: «после светового или какого-либо другого сигнала с противоположной стороны начать передачу простых математических формул».

– А если у них вообще не та система обмена? Может, они слепые?

– Вообще, все сигналы дублировались в инфракрасном диапазоне и повторялись слабыми рентгеновскими импульсами, – спокойно заметил Малахов.

– А может, динамики врубить? – спросил штурман и огляделся, чтобы оценить реакцию остальных на его слова.

– Кхм… – Андрей чуть не поперхнулся. – В космосе динамики?

– Я так и вижу анонсы на интернет-форумах: «Они включили звук на полную мощность, и инопланетяне проснулись от грохота рок-н-ролла!» – Переверзев громко засмеялся. – Я всегда считал, что все эти протоколы сочиняют эээ… малокомпетентные люди.

– А ты знаешь хоть одного человека, компетентного в общении с инопланетянами? – вмешался пилот. – Мы имеем только вот этот протокол, которому надо следовать.

– Я знал одну женщину, она слепоглухонемых учила общаться. Вот таким надо доверять, а не экспертам, которые инопланетян только в компьютерных играх видели. Даже не в кино, – произнес Тимофеич.

– А как она, эта твоя знакомая, контакт находила? – поинтересовался Малахов.

– Ну, деталей не знаю. Сначала просто пальцами касались, потом она кошку им приносила. Ласковую. Чтобы гладили.

– О, сейчас наш штурман начнет двигать теорию, что человек, который не гладит кошку, – злодей, – фыркнул Степанов. – Начитался книжек.

– Подождите! Сейчас. И вправду, зачем все усложнять. – Малахова осенило.

Он затарабанил по клавишам, переключая окна разных программ, и стал передвигать мышкой по экрану картинки.

– Вот теперь проверим, кто тут кошек не гладит.

Ярчайшие прожектора на той стороне тора, что была обращена к гостю, сначала заиграли всеми цветами радуги, потом буйство красок пропало, и световой экран стал повторять ту же последовательность цветовых переливов, что была на капле. Сейчас и станция, и гость словно повторяли свою игру цветов. А потом на фоне переливов, на поверхности тора появилась анимация. Маленький котёнок забавно играл с мячиком. Он бегал по кругу, кувыркался, подпрыгивал и время от времени садился и чесал лапкой ухо.

Это последнее неожиданно вызвало реакцию пришельца. На боку капли вдруг откинулся громадный люк, превращаясь в посадочную площадку. Несмотря на то что люк был открыт, понять, что же таит в себе корабль, было невозможно. Черный проем шлюзового отсека был непроницаем. Однако зеленый свет по периметру открытого портала был гостеприимен.

– Вот так-то! – Андрей был доволен.

– Не кажется ли вам, господа, – торжественно произнес штурман, – что это приглашение в гости?

– Я согласен, – присоединился к нему Малахов. – И мне кажется, что его надо принять.

– А если мы туда прилетим, а они нас прихлопнут, как мух? – возразил командир.

– Но ведь хотели бы – давно прихлопнули. – Пилот тоже подержал Тимофеича. – И ещё такой аргумент: они, а это несомненно они, прислали нам средство, при помощи которого мы смогли сюда добраться. Какой смысл теперь нам причинять вред?

– Да ладно-ладно. – Протасавицкий махнул рукой. – Я просто хотел ваше мнение услышать. Конечно, надо действовать по протоколу. А следующий пункт его гласит: «установление прямого физического контакта». Приказываю. Переверзев и Степанов – провести первую разведку и физический контакт. На разведкатере приблизиться к объекту на минимальное расстояние. В случае отсутствия опасности произвести посадку. Дальнейшее действие, а именно проникновение на объект, обсудим по выполнению этой части задания.

– Константин Петрович, а может, я вместо Тимофеича? – осторожно предложил Малахов. – Все-таки там может быть что-то, похожее на то, с чем я в Зоне сталкивался?

– Нет. Ты в это время должен будешь привести в полную готовность систему скачка. Потому что все может обернуться необходимостью немедленного возвращения.

– Понял, – уныло ответил Андрей.

Глава 4

В какое-то мгновение показалось, что машина попала в плотный туман, взявшийся невесть откуда. Но полоса тумана оказалась очень узкой. И уже через несколько секунд внедорожник катил по шоссе, освещенном восходящим солнцем. Вокруг зеленел весенний лес, и небо очистилось от тяжелых туч до пронзительной синевы. От леса ощутимо пахло цветущей липой.

– Добро пожаловать в Зону, – произнес Сухой, увидев удивление на лицах его попутчиков. – Зона встречает каждого по-своему. Вам повезло, она вас приняла. Пока. Считайте, это аванс.

– А что, могла и прихлопнуть? – поинтересовался Тельбиз. – Ляп ладошкой по крыше, и все? Кишочки по асфальтику?

– Я с вами ехал, значит, не могла прихлопнуть, – отрезал сталкер.

– А ты можешь Зоной управлять? – удивился Малахов.

– Зоной управлять нельзя, ее чувствовать надо. – В голосе Сухого не было никакой патетики.

Дорога поворачивала направо, оставляя чуть в стороне железнодорожную колею.

– Вон, слева, – продолжил сталкер, – уже и не скажешь, что это было Рыжим лесом, вон как заросло. Прям хоть на прогулку иди. Только войти туда просто, а вот выйти… Тут пикники лучше на обочинах разбивать. А еще лучше не заходить дальше осевой.

«Кубатура сферы»

– Гамма-лазер запущен, обратная секвенция загружена, – доложил Малахов через десять минут.

– Отлично. Только раньше времени не выбрось нас домой. – Протасавицкий в шутку показал Андрею кулак. – А то знаем вас, молодых горячих. Лучше пересядь на другое место.

Андрей не стал возражать. На самом деле он никак не ожидал, что может произойти что-то экстраординарное, что приведет к спешной эвакуации. Чужой корабль не внушал ему никаких опасений.

Малахов видел, как экипаж катера вошел в шлюзовую, как быстро и споро облачился в скафандры. Было понятно, что и для пилота, и для штурмана это очень хорошо знакомая и привычная процедура. Андрей в душе позавидовал их ловкости. Он, несмотря на тренировки, так и не научился моментально облачаться в даже в лёгкий скафандр.

– Взлет разрешаю, – скомандовал Протасавицкий, когда экипаж разместился внутри катера и задраил прозрачный колпак на носу. – Удачи, ребята.

– Стартуем, – прозвучал голос Степанова. – Все будет хорошо, Константин Петрович. Я уверен.

Старт катера Малахов наблюдал в иллюминатор. Плавно, словно крадучись, челнок стал удаляться от тора, приближаясь к неведомому кораблю по спирали.

– Перехожу на линейную траекторию сближения, – сообщил пилот.

Усы выхлопа ориентационных движков стали притормаживать движение и переводить катер на траекторию, позволяющую максимально подойти к кораблю пришельцев и застыть рядом с ним.

Командир переключил на главный монитор изображение с носовой камеры катера. Теперь чужак был виден в самых мелких деталях. Вблизи, когда стало возможно рассмотреть каждую деталь, механизмы, покрывающие инопланетный корабль, выглядели ещё более завораживающе. Словно кто-то взял и усеял корпус корабля миллиардами работающих часовых механизмов. Крутились шестеренки, коленчатые валы толкали тяги, приводящие в движение другие шестерни. Все непрерывно шевелилось, при этом цель этого движения людям была непонятна.

– Разрешите начать облёт объекта, – поступил запрос с катера.

– Давай, Боря, только осторожненько, – ответил командир.

– Да уж постараюсь им боковые зеркала не посбивать, – хмыкнул Степанов.

Челнок двинулся вдоль корпуса таинственного звездолета, непрерывно сканируя его поверхность.

– Странно, я до сих пор не нашел ни одного устройства, хоть отдаленно напоминающее или антенну, или объективы видимого диапазона. Словно чужак совершенно слепой, – раздался голос Тимофеича. – Или у них совсем другие технологии.

– Делай круг и иди к открытому шлюзу, – приказал Протасавицкий. – Толку от этих облётов никакого, поведение корабля не меняется.

– Выполняю, – кратко ответил пилот.

Катер чуть сменил положение относительно длинной оси корабля и начал новый облет по кругу. По всей поверхности – непонятные механизмы, суета шестерней и передаточных узлов.

– Иду к шлюзовой, – доложил Степанов.

Челнок лихо, как на тренировках по пилотажу, сделал полубочку с разворотом, уходя по направлению к открытому гигантскому люку.

– Опасности не наблюдаю, – передал пилот, когда катер завис в каких-то ста метрах от открытого люка.

– Поверни камеру, чтобы мы могли видеть их шлюзовую, – попросил Андрей.

Изображение переместилось, и теперь была хорошо видна откинувшаяся дверь шлюзового отсека корабля, превратившаяся в посадочную площадку. Конечно, если земляне правильно понимали её назначение. Но рассмотреть, что же скрывалось внутри корабля, было невозможно даже сейчас. Словно на месте открывшегося люка кто-то повесил черную штору.

– Просканируй по всем диапазонам, что там внутри, – приказал командир.

– Сканировал уже, – недовольно ответил Степанов. – Них… ничего не видно. Как будто вход туда закрыт сверхпоглощающим материалом. Чёрное тело какое-то, притом абсолютное.

– Ну что, попробуем сесть? – раздался голос Тимофеича. – Иначе мы так и будем круги наворачивать, хлеб-соль ждать.

– Ребята, попробуйте начать сближение, только как можно медленней, чтобы, не дай бог, не напугать наших гостей.

– Да мы сами скорее тут гости, – ответил пилот и добавил уже официально: – Приступаю к сближению.

Вход в корабль стал медленно приближаться, настолько плавно, что Андрею казалось, что это не катер движется, а просто работает зум носовой камеры наблюдения.

– Опасности не вижу никакой, разрешите сесть на открытый люк.

Челнок был уже в нескольких сантиметрах от превратившегося в посадочную площадку входного портала.

– Решение за вами, если нет опасности – садитесь, – ответил Протасавицкий. – Удачи.

Изображение, которое до сих пор менялось плавно, на секунду дрогнуло – это просто катер коснулся посадочной площадки и резко остановился.

– Есть контакт, никакой активности или изменений не наблюдаю, – поступил доклад.

– Сколько от вас до этой самой чёртовой ширмы?

– Метра три.

– Зонд с камерой может выдвинуться на пять метров. Приступайте к исследованию. – Протасавицкий не спешил пускать людей на борт чужака.

Изображение с зонд-камеры командир вывел на главный экран, чтобы Андрей и Катя, которая не выдержала и тоже поднялась на мостик, могли видеть происходящее.

Чернота, неземная и тревожащаяся, приближалась, и вот уже объектив камеры коснулся непроницаемой пелены. И тут произошло нечто совсем неожиданное. Камера, пройдя черную пелену, оказалась по ту сторону, и… там был обычный земной пейзаж.

От самого входа в корабль вдаль уходила ложбина, поросшая мелким ельником и чахлыми лиственными деревьями. Далеко за деревьями стояли городские многоэтажки. Дома даже с такого расстояния выглядели нежилыми. Черные провалы окон, обрушившиеся балконы. Местами вьющиеся растения достигли окон и пробрались внутрь брошенных квартир.

– Это Припять, – прошептал Малахов.

– Какая на… Припять?! – взревел командир.

– Вот там колесо обозрения… Я знаю эти места, – бесстрастно произнес Андрей. – Это Первоначальная Зона.

– Что за чушь! На этой картинке видно пространство в тысячи раз больше, чем этот самый корабль. – Командир говорил отрывисто. – Нам, скорее всего, кино крутят!

– Я говорю, то, что знаю. Давайте просто смотреть, – предложил Малахов. – Только ребятам я не советую туда заходить. А микрофон на зонд-камере есть?

– Откуда он там? – ответил Протасавицкий. – Микрофон – это отдельный зонд. Тимофеич, можешь звук добавить?

– Сейчас сделаем. Послушаем симфонию звезд, – с нескрываемым сарказмом ответил штурман. – А над динамиками смеялись…

Через несколько секунд капитанский мостик наполнили звуки. Обычные земные звуки. Шумел ветер в кронах деревьев, время от времени птичьи крики нарушали этот тихий шелест. Где-то, совсем недалеко, скрипела калитка, хлопая по деревянному забору.

– Пастораль какая-то, – тихо произнесла Катя.

– Только в этой пасторали много всякого, скажем так, неожиданного водится. – Малахов, не отрывался от экрана.

И тут, словно отвечая на его слова, картинка поменялась. Ярко-синее небо, которое только что оттеняло зеленую листву и хвою, внезапно стало черным, словно налетели грозовые тучи. На фоне мрачных клубящихся облаков замелькали чудовищные молнии, разрывая небосвод и долбя землю. Запылали несколько самых высоких деревьев. Колесо обозрения, приняв на себя один из электрических разрядов, завертелось, набирая обороты. Прогнившие ржавые кабинки стали разлетаться в стороны от колеса, не выдержав бешеного вращения смерчей.

– Вот она, Зона, во всей своей красе, – сказал Малахов.

– Не может этого быть! – Командир ударил ладонью по столу. – Лететь на другой конец Вселенной и смотреть видео про земную Зону? Ещё бы поиграть на компьютере предложили. Это же бред какой-то!

– А кто сказал, что Зона находится на Земле? – спокойно спросил Андрей. – Ведь когда в нее заходишь, то это не так просто, как перейти тротуар. Любой вход в Зону связан с преодолением туманного морока. Может, нет никакой Зоны на Земле? Может там, когда мы думаем, что входим в Зону, просто перелетаем сюда? Вот если шарахнуть по этой, вот именно этой, – Малахов ткнул пальцем в монитор, – да так, чтобы от нее клочья полетели, может тогда и всё? И на Земле её не будет? Ни тут, ни там!

– Чем ты шарахнешь? Рогатку сделаешь? – поморщился Протасавицкий.

– А гамма-лазер? Это какая же мощь! – Андрей разгорячился от своей идеи. – Ведь и вправду можно ее уничтожить. Раз – и всё!

– Так, прекрати. Терминатор нашелся, – остановил его командир. – Ребята, попробуйте изменить ракурс камеры и осмотреть как можно больше.

Но изменить положение камеры не удалось. Раздались сердитые гортанные крики, скорее всего, их издавала крупная птица. Через мгновение стало понятно, что это действительно птица. Громадная, похожая на ворону пернатая тварь подлетела к камере и, судя по тому, как задрожало изображение, уселась прямо на нее. На экране крупным планом сверху появилась перевернутая птичья голова с крепким клювом. Птица внимательно изучала блестящую оптику видеокамеры.

Видимо, птичке незнакомое устройство не понравилось, и она принялась долбить клювом прямо в объектив. Сначала робко, но потом, видя, что так просто разбить линзу не удается, всё сильнее и сильнее. Результата достичь птица не смогла и решила действовать иначе. Голова с круглыми сердитыми глазами исчезла из кадра, но изображение стало трястись и раскачиваться. Всё это сопровождалось птичьими воплями. Ещё немного – и камера стала подниматься в небо. Быстро удалялись кроны деревьев, у домов можно было рассмотреть только крыши.

– Эта зараза украла наше видео! – воскликнул штурман.

Камера поднялась уже совсем высоко, настолько, что мелких деталей на земле было не рассмотреть, и потом стремительно понеслась вниз. Хитрое пернатое создание решило разбить ее о землю. Еще мгновение – и изображение пропало.

– Вот же гадина! – Тимофеич был зол. – Обломать титановый щуп, это же надо! Теперь понятно, что это не кино.

Единственным источником информации о происходящем за чёрной завесой остался микрофон. И словно понимая это, с той стороны раздался нестройный птичий гвалт, словно стая в тысячу пернатых особей праздновала свой странный праздник. Очень скоро раздался оглушительный скрежет и хруст и наступила полная тишина. Птички добрались и до микрофона.

– Немедленно уходите! – приказал командир. – Хватит этого безумия. Переключите видеоканал на носовую камеру.

Опять на экране появилась черная пелена. И на ее фоне грустно поникшие обломанные зонды.

– Есть возвра… – начал Степанов и замолчал. – Ох. Вы видите нас?

Малахов рефлекторно глянул в иллюминатор и понял, что произошло невероятное. Никакого чужого корабля не было. Только разведывательный челнок и бесконечное море звезд. И сразу же прозвучал голос пилота:

– Сообщаем об отсутствии объекта изучения.

– Вижу, – буркнул Протасавицкий. – Кто-то над нами издевается в особо изощрённой форме. Давайте домой.

Он развернулся в своем кресле к Кате и Андрею.

– Что это такое? Что? – Командир был в бешенстве.

– Нельзя здесь ожидать логических событий. Пирамидка нас сюда привела неслучайно, – попытался хоть как-то объяснить произошедшее Андрей.

– Нас нарочно, я не знаю, кто оно, троллит? – В сердцах Протасавицкий встал и стал нервно ходить по мостику. – Кинули кость, обрадовали. Думал, что вот она, победа, вот оно, открытие, которое Землю спасет, а в итоге? Морок, массовая галлюцинация или даже не знаю что это! Идиотизм. И что теперь… Докладывать в ЦУП?

– Константин Петрович, – прервал его Малахов. – Я считаю, что ничего страшного не произошло. Ну не получилось сразу, ну не вышел контакт. Но ведь нам же ясно дали знать: Зона – это порождение именно этой точки Вселенной!

– Гадина эта твоя Зона, – буркнул командир. – Я чувствовал, что тут нас не ждет прогулка автостопом по Вселенной. Ничто разумное и доброе не может породить такую мерзость.

Протасавицкий включил связь с катером:

– Ребята, давайте домой. – И посмотрев на Андрея, добавил уже ему: – Глуши лазер, никуда мы пока отсюда не полетим.

Возвращение катера прошло без каких-либо неожиданностей. А когда пилот вернул станцию на место, так чтобы по оси был опять модуль квантовой связи, командир приказал: «Всем – отдыхать!»

Глава 5

Кирпич древней кладки был твердым, как гранит, сверло перфоратора все время елозило и застревало в узких щелях, заполненных известью, тоже с годами приобретшей твердость камня. В итоге первое отверстие прошило кирпич, и стало ясно, что под ним находится пустота. Сменяя друг друга все, естественно, кроме Клавы, налегли на перфоратор. К смраду гниющего мяса явственно добавился бензиновый выхлоп, и то, и другое хоть немного, но пробивалось сквозь респираторы. Наконец удалось выбить достаточное число кирпичей, чтобы можно было посмотреть, что находится в тайнике. Тимур оказался расторопней всех и вот уже в лучах фонарей держал на ладони небольшую, мерцающую под лучами пирамидку. Синеватый металлический отлив граней пирамидки делал ее совершенно нереальной, словно принесенной сюда из других миров.

– Знатная штучка. – Вадим взял в руки находку.

Он чувствовал, как пирамидка пульсировала в руках, словно внутри нее билось сердце.

– Так что, теперь морфы будут бежать к нам? – спросил Вадим, глядя на товарищей.

– Я думаю, не только морфы. – Бай протянул руку, и Малахов доверил ему пирамидку.

– Настало время открыть охоту на живца и нам, – не то спросил, не то заключил Малахов.

«Коллективное сознательное»

Толпа, окружившая место катастрофы, напряженно молчала. Не было слышно обычного в таких случаях бормотания случайных свидетелей и не было вопросов праздных любопытных: «А что случилось?»

«Коллективное сознательное»

Проснулся Андрей в три часа ночи. Его разбудил странный звук, словно кто-то бегал по станции и стучал гаечным ключом по трубам. Нарочно с оттяжкой, чтобы звук подальше разносился. Удар, а потом скрип – железом по железу. Но как только Малахов раскрыл глаза, звук исчез. Андрей полежал несколько минут, ожидая сигнала тревоги или хотя бы чтоб кто-нибудь проявил интерес к происходящему. Но было тихо, и, судя по полной тишине в динамике коммуникатора, грохот Малахову приснился. Андрей попытался уснуть, но как только начал проваливаться в сладкое небытие, кто-то снова загремел по трубам. Малахов вскочил и выбежал в галерею. Входы в личные каюты были закрыты, команда мирно спала. Все было спокойно, горел дежурный свет, и зеленые огоньки над каждой из дверей равномерно перемигивались, сообщая, что члены экипажа на месте и с ними все в порядке.

Андрей так и не смог больше заснуть. Хотя, возможно, он спал и ему снилось, что не спит. В семь утра Малахов уже был в медотсеке. Катя ловко взяла анализ крови и уложила Малахова под сканер. Пока чуткая электроника обследовала организм, Катя изучала данные анализа крови.

– Жить буду? – шутя поинтересовался Андрей после сканирования.

– У тебя увеличение количества лейкоцитов и эритроцитов, сегментоядерных нейтрофилов, уровня глюкозы, снижение содержания лимфоцитов, цветового показателя, а также выход лейкоцитарных индексов за пределы физиологической нормы, – строгим голосом произнесла Катя. – Не поправишь свои показатели – жить если и будешь долго, то мучительно.

– И что?

– А то, что у тебя дикий стресс! Ни разу раньше, ни на одной тренировке, ни перед стартом такого не было. Что с тобой, Андрей? Ведь тренировки должны были не только научить тебя что-то делать, но и привыкнуть к разнообразным нагрузкам. А ты словно впервые попал под перегрузки и невесомость.

Катя на своем рабочем месте была настоящим врачом. Белоснежный халат, шапочка, под которую она убрала свои светлые волосы, обнажив розовые уши. Андрей впервые видел Катю вот так, в медицинском облике, а не в халате поверх комбинезона. А ещё от Кати шел неуловимый запах эфира. Хотя, может, это Андрею и казалось и у него просто слегка кружилась голова.

– Я спал плохо. Снилось, что кто-то по станции грохочет…

– Сны это не причина стресса, а его следствие. Были бы мы на орбите, ЦУП мог бы тебя и снять с экспедиции. Ты можешь не выдержать.

– Да я себя прекрасно чувствую! Кстати, когда меня Тимур обследовал, он выслушивал мои легкие своей круглой штукой, потом смотрел горло с ложечкой, стучал пальцами по груди. Ну, как обычно все врачи делают.

– То есть я не врач, а какой-то Тимур – врач? – обиделась Катя.

– Он на болоте в Зоне всех лечил. А знаешь, как трудно лечить излома?

– Излома?

– Излом – это такая страшная тварь из Зоны. Они подкрадываются сзади и как…

– Не буди лихо, знаешь такую пословицу? Вот командиру и расскажешь свои сны. Иди сейчас к нему, я перешлю результаты медосмотра. А пока тебе лекарства подготовлю.

Малахов, проглотив две таблетки, одну синюю а другую красную, в некотором замешательстве покинул медотсек и отправился на мостик. Он никогда бы не подумал, что плохой сон может так отразиться на его состоянии.

– Товарищ командир, – Андрей вошел на мостик, где у главного пульта сидел Протасавицкий, – тут Катя переполох устроила…

– Знаю, уже доложила. – Командир крутанулся в кресле, разворачиваясь к Малахову. – Как себя чувствуешь хоть?

– Прекрасно я себя чувствую! – с излишним энтузиазмом ответил Андрей.

– Ага, посмотри, что мне Катя прислала. Да ты просто в диком стрессе. Но я думаю, ничего страшного, на тебе же скачок был, а потом эта гравитационная аномалия и коллективная галлюцинация с инопланетным кораблем… Я думаю, Катя молодец, что обратила внимание, надо тебе немного отдохнуть. Так что ты

там про свой сон говоришь?

– Ничего не говорю, – удивился Малахов. – Ну, снилось, что кто-то по тору бегает и гаечным ключом по трубопроводам лупит. Или не ключом, а чем-нибудь ещё. Но подумалось, что именно ключом.

– А давай пройдемся по галерее, – неожиданно предложил Протасавицкий.

Галерея, а вернее, внешняя часть тора, образующего станцию, по обе стороны от прохода делилась переборками на небольшие помещения. Технические и жилые, их и называли каютами. Были и просто отсеки, занятые под склады, пищевые, вспомогательные. В силу особой конфигурации силы тяжести пешеходная часть была расположена по самому внешнему периметру. Люди ходили так, что их головы ориентировались прямо на центр тора. Потолок, а вернее, внутренняя часть тора, был отдан под царство трубопроводов, кабелей и волоконной связи. Поэтому, если смотреть по сторонам, кажется, что идешь по бесконечному купейному вагону. Но стоило посмотреть наверх, создавалось впечатление, что ты находишься в каком-то производственном подземелье.

Сейчас, в рабочее время, на потолке сияли сотни светодиодов, мягким светом создавая бестеневое освещение. Экономить электричество смысла не было, реактор работал с большим запасом энергии. Несмотря на технологичность и аскетичность внутреннего убранства станции, она все равно выглядела достаточно уютной.

– Расскажи ещё раз про сон, – попросил Константин Петрович. – Когда, в какое время он начался.

– Когда начался, я и не знаю. Услышал звуки, сначала проснулся не до конца, прислушивался. Они вроде бы прекратились. Я опять заснул, и опять загремело.

– Примерно можешь сказать, откуда они шли?

– Скорее с верхней части, вроде как за дверью каюты, в галерее. – Андрей показал рукой направление.

– С одного места? – Протасавицкий, словно следователь, задавал конкретные вопросы.

– Да нет, именно казалось, что кто-то бегает.

– Посмотри, – командир не глядя указал пальцем на потолок, туда, где проходили основные коммуникации.

Андрей поднял глаза и ужаснулся. По широкой трубе дренажа шла цепочка вмятин.

– И что ты об этом думаешь? – Константин Петрович смотрел прямо в глаза Малахову.

– Это не я…

– Да уж догадываюсь, что не ты. Ты туда даже и не допрыгнешь. Я с утра все камеры просматриваю. После того, как увидел это. Идем, покажу. – Протасавицкий пошел на капитанский мостик, не сомневаясь, что Малахов последует за ним.

– Вот. – Командир плюхнулся в кресло и откинул приставное сиденье, чтобы Андрей тоже сел рядом. – Вот два часа пятьдесят девять минут. За секундами следи.

На экране появился ролик с камеры слежения, который показывал именно тот участок галереи, где находился трубопровод без каких-либо повреждений. На времени два часа пятьдесят девять минут одиннадцать секунд на трубопроводе появились вмятины.

– Ты заметь, одиннадцатая секунда длится на записи две секунды! А двенадцатой нет вообще, сразу тринадцатая. И это только на этой записи. Тут не только трубу помяли, тут ещё в главном процессоре что-то глюкнуло.

– Это не в процессоре, – возразил Андрей. – Процессор-то что, молотит свои байты. Это какое-то хитрое завихрение в софте, который видео обрабатывает.

Константин Петрович откинулся на спинку кресла. Он словно не мог сосредоточиться. Наклонившись, он взял со стола карандаш и стал вертеть его в руках, глядя в никуда.

– Во-первых, никому ни слова. Во-вторых, проверяй комп на предмет внедрения извне. Или изнутри. Правда, вся команда была на своих местах в это время. В-третьих, вводим постоянные вахты. По два часа. Кати это не касается. А вот ты, Андрей, не можешь ли ты подробнее рассказать о той самой пирамидке, я так понимаю, это единственный объект на Земле, способный кротовые норы делать? Я знаю, я прочел всю техническую документацию, назубок знаю. Но есть ли что-то такое, о чем нам не говорили? Ведь ты же к этой находке причастен? Так?

– Я давал подписку, – уныло ответил Малахов.

– Я как командир корабля отменяю ее. Рассказывай. Я должен знать.

– Ну… – Андрей с трудом пытался начать рассказ, – давно это… Отец мой руководил группой, которая изучала аномалии, возникающие в Москве. Был период, когда доступ в Зону прекратили, но все артефакты и мутанты вдруг в Москве появились. Словно Зона шла за людьми, а не наоборот. В общем, все завертелось вокруг одного места, куда эта нежить, ну сами знаете…

– Вот ты знаешь – я не знаю! Я в ваши Зоны не ходил и ходить не собираюсь! – Командир ударил ладонью по подлокотнику.

– Ага! А что, Москва – не Зона? И сколько этой плеши вонючей по миру развелось? Вам все равно?

– Извини. – Командир дернулся так, словно его стукнули по голове. Видимо, Андрей попал в больное место. – У меня семья в Москве. Была.

– И вы меня простите… Я там выжил только благодаря отцу. И этой самой пирамидке.

– Так, подробнее, – сухо прервал его командир. – Про эту чертову пирамидку.

– Там ситуация была такая: все, кто был в Зоне и находился рядом, ну как рядом – в Москве, словно чуял зов этой пирамидки. И все это плохо кончалось. Люди морфировали, превращались в монстров и пёрлись к ней. И погибали там. На самом деле там все было сложнее, но суть примерно такая. Пирамидка звала к себе созданий Зоны.

– Ты хочешь сказать, что вся система подпространственных прыжков завязана на этом? Мне никогда не говорили, что сердце подпространственного движителя основано на находке из Зоны! Официально это абсолютно мирное внеземное творение, используемое нами в понятных целях. Теперь это всё выглядит, как… э… подстава! – Командир употребил несвойственное для него слово.

– Константин Петрович! Не надо так. Потом эта же пирамидка и меня спасла, и отца. Ну, и…

– Что и?

– Московская Зона – это её порождение. Но с тех пор мы смогли укротить её силу и вот – умеем ею управлять.

– Вот пойди и пальцем вмятины на трубопроводе обратно выгни! Управлять он умеет! – Протасавицкий был вне себя. – Тебе что, ты тут гайки вертишь виртуальные, а на мне ответственность за весь экипаж! За твою, Малахов, твою жизнь в том числе. Я ничего не боюсь, кроме того, что кто-то из вас пострадает.

– Я никак не ответственен за то, что вас не посвятили в подробности конструкции станции. Это не мне решать. И не я должен был доводить до членов экипажа… – Андрей говорил отрывисто, как на докладе. – Но, товарищ командир, поверьте, я был уверен, что вы знаете о пирамидке гораздо больше, чем я. Я и предположить не мог, что вам что-либо неизвестно. Ведь эта пирамидка – очень непростой артефакт. Её и обнаружили сначала только потому, что просто плевок рядом с ней полетел по сложной траектории. А потом… Ну, в общем, обнаружили её в подземелье с помощью примитивных гравитометров. И ещё по тому, что к это самой пирамидке стремились все монстры из Зоны, когда они в Москву нахлынули. Ну, я уже это говорил. А потом… в конце концов мы научились ею управлять. Она стала откликаться на гамма-кванты. Сначала удалось подавить последовательность импульсов, которая влекла к ней монстров. А потом… потом вот, она уже для нас кротовые норы делает.

– Ладно, разберемся. Постарайся своё состояние в норму привести. Иди. Через час общее собрание, начинаем работать, – закончил Протасавицкий.

Малахов ушел в свою каюту и рухнул на койку. Только механизм закрытия двери не дал ему громко, в сердцах, ею хлопнуть. Мало того, что так нехорошо получилось с анализами, но то, что теперь командир подозревает его в нечестности, в утаивании каких-то сведений, совсем выбило Андрея из колеи. Он полежал, посмотрел в потолок, потом в несущийся за стеклом иллюминатора хоровод звёзд и немного успокоился. Анализы, конечно, ерунда, придет в себя и восстановится. А то, что он утаивал – это неправда и никакой его вины тут нет.

Глава 6

И тут к нам на поляну вышел пацан. Он был странный. Совсем голый, грязный, невысокий, и у рот него был такой, как бывает, когда болезнь «заячья губа». Замурзанный мальчишка топтался на краю поляны, словно стеснялся. Ну, я ему и говорю:

– Давай с нами в футбол, на воротах постоишь? – А нам как раз вратарь нужен был.

Пацан стоит, переминается с ноги на ногу и ворчит что-то несуразное.

– Ты что, не понимаешь? Или немой? Чего надо? – Юзик зло так его спросил.

А тот глянул на Юзика тоже недобро и давай бурчать громче. Я понял, что он, наверное, не совсем нормальный. Ну, не то чтобы сумасшедший или умственно отсталый, а может, просто говорить не умеет. Но ведь и ему интересно поиграть. Наверное, из дому сбежал, заблудился и по Зоне шатается. Только мне неприятно было, что он совсем голый. Я полез в рюкзак и нашел свои трусы запасные. И дал пацану. Он протянул руку, взял и пялится на них. Я ему показываю: «мол, надень, а то стоишь как ангел, писюном светишь».

Он смотрел-смотрел на трусы. Потом, видимо, сообразил и стал напяливать. Смешно так. Сел на траву и запихал две ноги в одну дырку. Ну, все ржут, а он

злиться начинает. В общем, тут Бэрик и говорит:

– Ну, что вы, уроды, над человеком издеваетесь? – и помог ему.

Пацану очень понравились трусы. Он встал и стал смотреть – и так и сяк. А потом голову, как сова, назад повернул и стал заглядывать, как у него сзади на попе. Да уж, повеселил опять всех. Бэрик ему стал объяснять, как на воротах стоять. Ясно уже было, что мальчишка не совсем нормальный, но добрый.

«Красный сигнал»

– Итак, – Протасавицкий внимательно обвел взглядом команду, – судя по отчетам нашего доктора, экипаж готов к выполнению основной программы экспедиции. Я свяжусь с ЦУПом, что они скажут.

Командир задержал взгляд на Кате, и она поняла, что про состояние Малахова – ни слова.

– ЦУП, «КС-6» на связи. – Константин Петрович включил громкую связь, разговор с Землей был важен для всей команды.

– С вами говорит руководитель дальней космической разведки полковник Павлов.

– Руководитель чего?

– У нас на Земле произошли некоторые изменения. Мы вам сообщим по мере развития событий. Всё в порядке. Продолжайте работу по регламенту. Сообщайте обо всём происходящем. Конец связи.

– Конец связи, – произнес Протасавицкий положенную в этом случае фразу. – И это все? Какой Павлов? Не понимаю. Там что, за два дня власть поменялась?

– Ой, да ну их с их склоками. – Штурман в сердцах шлёпнул ладонью по подлокотнику. – У нас своя власть, и ты, командир, не бери дурного в голову.

– Задание наше несложное, мы же первопроходцы. Никаких больше псевдоконтактов. Нам важно лишь показать возможность путешествия человека через кротовую нору, – продолжил Константин Петрович. – Сканирование пространства в точке перехода, определение нашего местоположения и выдача данных для обратного скачка. Скажу сразу, практически все это проводилось в автоматическом режиме, да вы это знаете. Но вот для того чтобы осмотреться, машины мало. Так что приступайте к работе согласно заданию. Ни у кого вопросов нет?

Вопросов не последовало.

– Ну ты, Андрюха, тогда на старте и выдал, – похлопал Малахова по плечу штурман. – Классический старт новичка. Напыжился, словно тянул ракету сам.

– Ой, да отстань от человека, сутки уже прошли, пора и забыть, – вступился за Андрея Степанов. – Ты что, не помнишь, как сам первый раз испугался, когда датчик гравитации тебе в нос полетел. Кстати, надо было ЦУП запросить, как вчера «Спартак» в итоге сыграл. Обидно, если опять «Зенит» в чемпионы прорвется.

– Ну, ты и придумаешь! – возмутился командир. – У «Зенита» шансов против «Локо» никаких.

– Ну что за народ! – Катя тоже не осталась в стороне. – Нашли время говорить о хоккее!

– Катя, я присоединяюсь к твоему мнению, но осторожно замечу, – Андрей улыбнулся, – это футбол.

– Давайте лучше говорить о звездах. – Кате был неинтересен ни хоккей, ни футбол. Она была мастером спорта по плаванию.

– Катя, поверь мне, да ты и сама прекрасно знаешь, – заметил командир, – через несколько дней тебя от них тошнить будет!

Команда не спешила разойтись. Все стали переговариваться между собой, словно сидели за столом на обычной вечеринке, а не на космической станции в

трех световых годах от Земли.

– Да! Добавлю – в ночное время вводим вахты. Два часа без бодрствующего сменщика. График я сообщу ближе к вечеру. По местам! – Протасавицкий воспользовался моментом всеобщего благодушия и сообщил неприятную новость.

Работа, которая была основной и обыденной для Малахова, заключалась в инструментальном сборе данных об окрестностях станции. Никто на Земле не рассчитывал, что тайны Вселенной в этой ее части раскроются в первую экспедицию. Только сбор данных, предварительный анализ и доставка информации домой.

– Ну что, пошли, пороемся в космосе? – окликнул Андрея Степанов.

Первый пилот Борис Степанов по заданию должен был вместе с Андреем заняться сканированием пространства вокруг станции во всех возможных диапазонах электромагнитных волн.

Аппаратная, или как её называли – лаборатория, находилась на противоположной стороне от мостика. Дойти можно было двумя способами – просто пройтись по галерее или, сократив основательно время, пролететь по одной из осей станции. Естественно, пилот, хорошо знакомый с невесомостью и легко управлявший своим телом, предложил короткий путь. Малахов скрепя сердце согласился.

– Рассказываю алгоритм. – Борис решил все-таки проинструктировать товарища. – Мы выйдем в тоннель, сила тяжести будет понемногу падать. Здесь главное – не сильно стремиться скорость набрать. Ближе к центру можно зазеваться и головой в переборку. Потом будет смена вектора притяжения. Там нужна обратная последовательность.

– А может, все-таки по кругу пойдем? – засомневался Андрей. – Понимаешь, мне невесомость не очень нравится. Мутит. Я потом потренируюсь, и всё получится. В следующий раз.

– Да какая тренировка! – махнул рукой Борис. – Главное – держись за поручень постоянно и не сильно ускоряйся.

– Ну, веди, – не стал спорить Малахов.

Начало пути по хорде было неприятно, поменялся вектор притяжения, Андрей даже на некоторое время потерял ориентацию. Однако надежный поручень быстро позволил восстановить точку опоры и начало координат. Но чем ближе Малахов подходил к центру станции, центру тора, тем сильнее его сознание теряло связь с реальностью. Словно кадры из фильма в голове пронеслось воспоминание. Как тогда, давным-давно, он шел с друзьями в Зоне по тропинке, с которой нельзя свернуть. Тропинка шла через лес, кроны деревьев сходились надо головой. Было неприятное ощущение замкнутого пространства, прямо как сейчас в переходной галерее. Борис легко двигался рядом, как тогда детёныш кровососов. Он был в своем мире, ко всему привычный и ничего не боялся.

А потом тропинка начала вести себя странно. Она вместо того чтобы проходить между деревьями, правда, сейчас это был уже ровный забор без единого просвета, начала смещаться влево и через десять-пятнадцать шагов уже шла по боковой стене тоннеля. Андрей двигался по переходной галерее с полным ощущением, что он идет где-то сбоку. Как будто притяжение здесь работало по-другому. Лесная тропинка тогда превратилась в сказочный, непостижимый тоннель, где только фонарики позволяли хоть как-то разглядеть дорогу. Точно так же сейчас только дежурный свет в переходе позволял определить, где верх, а где низ.

У Малахова закружилась голова. И тут внезапно пропал свет. Как во время скачка. Тоннель впереди исчез, появилось открытое пространство, и зеленое сияние очертило странное видение. За письменным столом сидел человек, судя по очертаниям и хорошо сидящему костюму, и что-то писал в толстой тетради.

– Ну, здравствуй, – сказал человек Малахову.

В тусклом свете невозможно было рассмотреть ни его лица, ни рук – только черный силуэт и легкая игра светотени на складках аккуратно вшитых рукавах твидового пиджака. Все эти детали в сознании Малахова откладывались естественно, словно не летел он неизвестно где и неизвестно куда, а был на приеме у важного чиновника.

– Здравствуйте, – неуверенно ответил Андрей. – А мы знакомы?

Только тут Малахов осознал, что ощущение падения в бездну, которое его всегда преследовало в невесомости, исчезло. Он шел по невидимой в темноте поверхности, как по обычному полу. Покрытие было мягким, словно на полу был постелен персидский ковер.

– Как тебе сказать, Андрюша, мы не виделись много лет. – Голос у сидящего за столом был низкий, с глубокими обертонами. Казалось, говорил артист театра или диктор радио.

– Не виделись? Вы из Москвы?

– Нет, конечно. Вот ты сейчас вспоминал тоннель в Зоне, так ведь?

– Откуда вы…

– Подожди, вопрос не в том, откуда я знаю, вопрос о том, насколько хорошо ты это помнишь? – Голос стал чуть жестче, настойчивее.

– Я всё хорошо помню. – Андрей попытался тоже контролировать свой голос, который до этого ему самому показался слабым и дрожащим.

– Ну и отлично. Ты помнишь, там были и друзья, и враги. И люди и… скажем, иные.

– Конечно, помню. И друзей, и… там были и враги.

– Ага, враги. А как их звали, помнишь? Хотя нет, не говори. Я боюсь услышать то, что мне будет неприятно.

– Кто вы?

– Да ты уже, наверное, и сам догадался. – Голос человека на секунду стал мягче. – Я часть того, что вы пытаетесь понять, прилетев сюда. Вернее, не прилетев, а переместившись. Но это не суть важно.

Малахов подумал, что такое словосочетание он слышал только от одного древнего преподавателя в университете.

– У нас одна цель – понять происходящее. Мы не понимаем, зачем Земле Зона во всех её проявлениях. И как мне, ну… нам кажется, скорее всего, разгадка находится в этой части Вселенной, – ответил Малахов.

– Разгадка, возможно, и здесь. Но сможете ли вы её познать? Ответ тоже очень прост, но простые ответы даром не получают.

– С Зоной воюют уже столько лет, что про нее знают уже всё. Ну, или почти всё.

– Ты единственный, кто приблизился к ответу. Вернее, ты единственный, кто смог выбрать поведение, которое вело к ответу. Но ответа не получил. Ещё вернее – тебе ответ не был нужен. А потом, когда понадобился, – уже было поздно. Уровень шума мешает уловить слабый сигнал.

– Ты много знаешь обо мне. Откуда?

– Так вышло. Я твой старый друг. Прошу тебя, слушай свои чувства, не разум. Разум тебя здесь обманет не один раз.

– Кто ты? – Андрей совсем растерялся. – У меня нет здесь друзей, есть коллеги и соратники.

– Ты помнишь, в Зоне ты принял в свою компанию маленького мальчика, Ыду. Я – Ыду.

– Кровосос?! – не сдержался Андрей.

– Кровосос – это ваше название. Ты же не воспринимал меня как адово создание тогда, в Зоне? – Ыду словно обиделся, что его назвали кровососом.

– Но ты был ребенок. Дети должны дружить! На детской площадке в любом зоопарке тигренок и кролик играют. Как равные. И мы были тогда детьми! – воскликнул Малахов. – Зачем нам было враждовать?

– То есть меня ты врагом не считаешь? – Голос говорящего дрогнул.

– Да какой ты враг? Там такие были монстры… Чуть не убили.

– Это ты о ком?

– Юзик и его компания… Да ну… Не хочу вспоминать.

– Не хочешь, а зря. Надо всегда помнить.

– Ыду, а ты… Кто ты сейчас? Ведь кровос… извини, я даже не знаю, как тебя правильно называть. Ну, хотя бы твоих родителей взять – так они и говорить не могли, и они же…

И тут Андрей вспомнил. Тот самый выброс в Зоне. Тогда он разговаривал с зомби, вернее, не с зомби, а с тем, кто стал потом зомби. Выброс возвращал каждое создание Зоны в его первоначальное состояние. И тут к ним подошел мужчина в красивом костюме с белой рубашкой, и даже галстук был повязан.

– Извините, а можно прикурить? – обратился он к зомби.

Андрей тогда вздрогнул от неожиданности. Редко кто в Зоне был так вежлив и так хорошо выглядел.

– Ты хочешь узнать, кто я? – Мужчина рассмеялся, глядя на ошарашенного Малахова. – Разрешите представиться, молодой человек, я Миронов. Леонид Миронов, физик-исследователь. После выброса, ну и до него, меня люди будут называть «кровосос». А вот мой коллега – Павел Птушин.

Миронов взглядом показал на своего товарища. Тот был почему-то в смокинге и с галстуком-бабочкой.

– А откуда у вас одежда? – спросил тогда приятель Андрея, Юрка Грушевский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-slyusarenko/novaya-zona-kriteriy-straha

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить